

Вместо воспоминаний

Когда издательство «АСТ» предложило собрать книгу, состоящую из моих еженедельных публикаций в «Российской газете», колонок, которые выходят по средам вот уже пятнадцать лет, то, признаюсь, желание отказаться от этой затеи было совершенно искренним и, казалось, неотвратимым. Прежде всего потому, что вспомнил, как мама, по-моему, в 2005 году с гордостью вручила мне хранящиеся у нее мои заметки, опубликованные в газете «Правда» в самом начале 1980-х. После их прочтения пришел в тихий ужас. Не столько из-за смысла написанного, сколько из-за языка, которым этот смысл был изложен.

За годы своей журналистской работы, которая началась в 1967 году, когда вместе с Марией Седых мы опубликовали рецензию на дипломный спектакль Шукинского училища «Пять вечеров» в «Московском комсомольце», написал много разного. Среди прочего был специалистом по сочинению передовиц после разных партийных съездов и пленумов в журнале «Театр», где проработал почти восемнадцать лет. Они казались разумными и не подлыми, с максимально возможных по тем временам демократических позиций интерпретирующими указания КПСС. Даже отстаивающими свободу творчества, со ссылкой на знаменитую ленинскую статью «Партийная организация и партийная литература», где именно за литератором было оставлено право развивать революционную мысль, а не руководствоваться ею. Но сегодня очень трудно объяснить читателям, особенно не жившим в Советском Союзе, те правила журналистики, которыми мы руководствовались в подцензурной советской печати. Для публикации достаточно очевидной мысли о том, что цель не оправдывает средства, нужно было найти ссылку на аналогичное высказывание Карла Маркса или, на худой конец, Фридриха Энгельса. Нужно было писать так, чтобы за словами угадывалось нечто большее, чем сами слова. Ведь мы были самой читающей между строк нацией в мире. Во всяком случае, нам так казалось. К тому же во второй половине 1980-х годов я был секретарем партийной организации журнала «Театр» и членом Краснопресненского райкома КПСС, когда фракционная борьба в партии привела ее к расколу, а потом и к массовому выходу из нее. И это тоже отражалось в том, что я писал и публиковал.

Не стану заниматься самобичеванием, — все, что подписано моим именем, принадлежит именно мне. И определяется моими заблуждениями, противоречиями, попытками найти человеческое начало и в эпоху реального социализма, и в пору реального капитализма. И хотя с 1971 года меня начали печатать в журнале «Театр», а в конце 1973 года А.Д. Салынский пригласил меня работать в редакцию, я всегда поддавался искушению писать для ежедневных газет. «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Правда» и «Известия» — там работали первоклассные редакторы, которым благодарен по сей день. И если ты писал в номер, то от машинописи до свежей газетной полосы проходили всего лишь сутки-двое. В ежемесячном журнале по-другому ощущался нерв времени. Тогда от написания текста до выхода его в свет могло пройти полгода, а то и год. Нужно было писать так, чтобы в какой-то степени прогнозировать будущее. Слово «нетленка» бытовало и в газетах, но авторы «толстых» журналов повторяли его почаще. Они готовили свой текст к встрече с вечностью.

Для ежедневной газеты слово «вечность» — чистая абстракция, если только речь не идет о вечной мерзлоте. Она живет во времени, ее публикации в подавляющем большинстве своем сильны актуальностью, эффектом сиюминутного воздействия на общество. Даже если после них, как случалось порой, начиналась долгая борьба за справедливость. Так было в советское время, так продолжилось в постсоветскую эпоху в новой России. Газета всегда остается газетой. И в подцензурные, и в бесцензурные времена ее публикации живут недолго. Мои — в общем ряду. По этому поводу у меня нет никаких иллюзий. Собственно говоря, дочитав до этого места, раздраженный читатель должен закрыть эту книгу, не желая «поглощать пустоту», которая расположилась где-то в далеких временах, а потому бессмысленна.

Словом, мне всерьез казалось, что сборник текстов, живущих в мимолетном газетном времени, будет выглядеть литературным курьезом. Сувениром для подарков самым близким людям, — как сборник моих колонок, выпущенный Вадимом Сомовым в Киришах десять лет назад в количестве двадцати экземпляров.

Но под нажимом близких мне людей, которые хотели избавить меня от сложностей, когда приходит пора заниматься воспоминаниями, пришлось выбрать меньшее зло. Попробую оправдать свое решение.

Возвращаясь к газетным публикациям, ты возвращаешься в собственное прошлое. В прошлое своей страны и мира, которые во многом определяли твое внешнее и внутреннее бытие. Газета запечатлевает неповторимое мгновение жизни. Оно далеко не всегда прекрасно, так что не надо продавать душу Мефистофелю. Во всяком случае вовсе необязательно.

Как настоящий графоман, все время что-то писал. Порой без всякого желания публиковать эти записки. Именно поэтому признателен руководству «Российской газеты» — Владиславу Фронину, Александру Горбенко, Павлу Негоице, Ядвиге Юферовой, а также всем коллегам Отдела культуры «РГ» за то, что во второй половине 2008 года они доверили мне вести колонку по средам. Они защитили меня от глупого самовыражения в социальных сетях и не дали окончательно заснуть моему мерцающему сознанию.

Словом, основательно поразмыслив, пришел к выводу, что уж лучше опубликовать избранные колонки за пятнадцать лет публикаций в «РГ», чем писать мемуары. Некоторые уважаемые издательства предлагали мне заняться воспоминаниями. Но эта работа вызывала во мне чистейший ужас — память будет услужливо выталкивать на поверхность лишь облагороженные да и к тому же далеко не всегда достоверные факты, которые никому не нужны.

Тексты из «Российской газеты» — честнее. Это некая объективная реальность, выражающая какую-то часть моей жизни и общественной кардиограммы прошедших пятнадцати лет. За это время мы пережили разные времена, — то, что нужно было опубликовать в 2009 или 2010 годах, не имело смысла писать в 2022 или 2023-м. И эти различия тоже имеют значение. И для меня, и, надеюсь, для читателя. Рискнул ничего не менять в этих текстах, что называется, «из песни слова не выкинешь». Даже добавил несколько ранних публикаций в «РГ», написанных в 2006 и 2004 годах.

Мне посчастливилось жить в пору перемен — и во второй половине 1980-х, и в 1990-е, в 2000-е, и в нынешние годы, когда мир стоит на пороге невиданных изменений. Я был их участником и свидетелем. Часть моих свидетельских «показаний» собрана в этой книге.

Особо хочу поблагодарить уже ушедшего от нас Михаила Лесина и, к счастью, здравствующих Михаила Сеславинского и Владимира Григорьева — именно они уговорили руководителей «РГ» нанять меня на работу в качестве колумниста. Особая благодарность моим редакторам в газете — прежде всего Ядвиге Юферовой, а также Игорю Виравову, Валерию Кичину, Льву Данилкину и всем-всем.

Спасибо моим домашним за то, что они меня терпят, и коллегам по Министерству иностранных дел России во главе с Сергеем Лавровым за то, что, они не держат зла, когда, задумавшись над очередной колонкой, порой отвечаю невпопад на их вопросы. Хочу непременно поблагодарить Александра Новикова, генерального директора Московского театра мюзикла, и нашего пресс-секретаря Наталию Уварову — именно они заставили меня собрать эту книгу.

И разумеется, отдельная благодарность Елене Доценко — она убедила меня не поддаваться панике.

Название этой книги связано не с советской или китайской культурными революциями, а с телевизионной программой, которую мне посчастливилось делать вместе с замечательной компанией «Игра-ТВ», где лидировали Наталья Стеценко и Андрей Козлов. Эта программа выходила на канале «Культура» шестнадцать лет подряд, за что всем, кто ее делал и выпускал в эфир — отдельное спасибо.

2023

Грант МАТЕВОСЯН

Максуд ИБРАГИМБЕКОВ

Армен СМБАТЯН

Игорь КОСТОЛЕВСКИЙ

Ольга ПРОКОФЬЕВА

Юлия ПЕРЕСИЛЬД

Ирина АНТОНОВА

Московский театр мюзикла

Гробница-рака св. Александра Невского

«Театральный журнал»

Метрополитен-музей

Музей современного искусства (MoMa)

Где Грант, где Максуд?

К сожалению, ответ на вопрос, звучащий в заголовке этих заметок, однозначен и горек — на нашей грешной земле нет ни Гранта Матевосяна, ни Максуда Ибрагимбекова. Великий армянский писатель умер в 2002 году, великий азербайджанский — в 2016-м. Уверен, что они беседуют на небесах, не боясь самых острых и болезненных вопросов, которые по-прежнему мучают их соотечественников. Спорят, расходятся и соглашаются, как было всегда, когда они встречались в московском Доме литераторов или в Доме кино на Васильевской. Каждый из них был сыном своего Отечества, к своей земле и людям, на ней живущим, они относились с сыновьей нежностью, но эта почтительная любовь не лишала их взгляд на окружающий мир трагической зоркости. У каждого была своя боль, но они были талантливо щедры и великодушны, как бывают щедры и великодушны истинно великие люди и гениальные литераторы. Не все, разумеется, но они принадлежали к избранным.

Никогда не забывал о них, часто мысленно беседуя с одним и с другим. Вспоминаю встречи с Максудом в Баку и с Грантом в Ереване, когда они притягивали собеседников, не скупясь на необходимые и единственные в каждом случае слова.

В последние недели, когда бурные дипломатические аккорды, похоже, обещают завершение военно-политического противостояния Азербайджана и Армении на нынешнем историческом отрезке времени, отсутствие Максуда и Гранта ощущаю особенно болезненно. Много лет повторяю одно и то же по поводу самых разных конфликтов, которыми нас не обделили последние десятилетия: можно подписать любой политический документ, урегулировать любые территориальные проблемы, но это лишь начало длительного процесса возвращения доверия друг к другу. И политиков, и — что еще важнее — народов, вовлеченных в конфликт. И здесь без таких лидеров общественного мнения, какими были Максуд Ибрагимбеков и Грант Матевосян, просто не обойтись.

Спору нет, позиции лидеров Азербайджана и Армении, несмотря на бурную дискуссию между ними в присутствии президента России Владимира Путина, не могут не вызвать вполне обоснованных надежд. Приведу три важные цитаты из протокола беседы 25 мая нынешнего года. Президент Азербайджана Ильхам Алиев: «Существуют серьезные предпосылки нормализации отношений между Азербайджаном и Арменией на основе

взаимного признания территориальной целостности». Премьер-министр Армении Никол Пашинян: «Я хочу подтвердить, что Армения и Азербайджан договорились о взаимном признании территориальной целостности друг друга, и на этой основе мы достаточно хорошо продвигаемся в урегулировании наших отношений». Президент Российской Федерации Владимир Путин: «Есть до сих пор не урегулированные вопросы, но, на мой взгляд, — мы разговаривали об этом и с коллегами с азербайджанской стороны, и с коллегами с армянской стороны — они носят чисто технический характер». Хочется верить, что мирный договор между двумя странами, больше тридцати лет находившимися в состоянии то вспыхивающего, то затухающего военного противостояния, будет подписан в возможно скором времени. Но любой документ такого рода — это только начало непростого пути. Хотя бы потому, что и Бог, и дьявол, как известно, всегда укоренены в деталях, в подробностях жизни, которые невозможно зафиксировать ни в одном договоре, даже и составленном с объемлющей все противоречия тщательностью.

У меня нет никаких иллюзий по поводу так называемой народной дипломатии, хотя занимаюсь ей почти сорок лет. Она в значительной степени зависима от политической воли государственных структур. Но без нее невозможно создать тот контекст, ту ткань взаимоотношений, без которых любые договоренности на самом высоком уровне оказываются неполноценными, а порой и нереализуемыми. Понятно, нации общаются вершинами. Но настоящее сближение происходит только в том случае, если потребность в нем испытывают сами народы.

И здесь невозможно недооценивать роль национальной интеллигенции, что бы по ее поводу ни писал В.И. Ленин, уверенный, что интеллигенция не мозг нации, а говно. Ведь именно представители творческой интеллигенции, прежде всего литераторы, во второй половине 80-х годов XX века наиболее активно формировали национальную повестку дня, порой в самом радикальном ее варианте. Это происходило повсеместно в советских еще республиках, которые готовились к выходу из СССР. Понятно, что принятие решений зависело от политиков, но национальный вопрос был одним из ключевых, если не самым главным в разжигании общественных страстей, которые нередко приводили к кровавым последствиям. Об этом не любят вспоминать, но невозможно думать о будущем, забывая о прошлом.

И именно представители интеллигенции двух стран должны будут оказаться за общим столом, для того чтобы выработать некую «дорожную карту», направленную на поиск пути друг к другу. Понятно, что это возможно лишь при согласии сторон, которого тоже не так просто добиться.

Когда мы с Поладом Бюль-Бюль оглы и Арменом Смбатяном с 2006 по 2012 год пытались выстраивать мосты между народами двух стран, то участниками этого процесса, разве что за исключением юных музыкантов Молодежного оркестра СНГ, где вместе играли азербайджанцы и армяне, были люди

с общим советским прошлым. Они жили бок о бок, и им легко было находить общий язык. Нынешние тридцатилетние никогда не жили вместе, да и сорокалетние едва помнят об этом. У них другой опыт. Они привыкли видеть в соседях врагов, у них нет навыка совместного проживания, да и просто общего разговора. Всему придется учиться заново. Но этому можно научиться.

И вновь думаю о Максуде и Гранте, Гранте и Максуде, которых так мучительно не хватает. Волшебники, как правило, обитают на небесах. Поэтому все так непросто на земле.

Май 2023

Неевклидова геометрия

Не так давно в Московском театре мюзикла мы завершали очередной «блок» спектаклей «Жизнь прекрасна!». Давали дневное представление, публика выбирала сложные маршруты, чтобы вовремя попасть в театр и при этом не обидеть крепким словом велосипедистов, которые с самого утра оказались хозяевами города.

Наверное, поэтому в зал попали настоящие любители театра, они наполнили его той особой энергией сотворчества, той готовностью к празднику, которая сразу передается актерам и пробуждает естественный эмоциональный ответ. Все это вместе и создало ту атмосферу радости, которой мы заразили друг друга — зрители в зале и артисты на сцене. И мне вдруг стало как-то не по себе.

Настолько, что, обращаясь к публике, сказал: «В наше тревожное время, наверное, нехорошо испытывать чувство счастья, которое сейчас ощущают мои коллеги на сцене. Но чувство это рождается непроизвольно и не зависит от “больших линий” истории. А быть может, даже защищает нас от них». Примерно в это же время у самых стен Кремля у станции метро «Площадь Революции» аргентинские артисты из прославленной труппы Хермана Корнехо, приехавшие на Театральный фестиваль имени А.П. Чехова, «зажигали» вместе с москвичами, танцуя милонгу, классическое танго, с любителями всех возрастов. И волны неподдельной радости заполняли всю Театральную площадь. Люди смеялись, обнимались, норовили фотографироваться с артистами и друг с другом.

Искусство на время отвлекало людей от тревог повседневности, увлекало своими неведомыми в обыденности душевными маршрутами, пробуждало простые, но сильные чувства, которые нечасто проявляются в обычной жизни.

В моих словах нет открытий. Искусство по природе своей помогает открыть в себе лучшие свойства. «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман», — с Пушкиным спорить трудно. Но «возвышающий обман» имеет обыкновение заканчиваться: праздник не может длиться

вечно. Неслучайно Гёте называл искусство «прихлебателем жизни». Реальность способна разрушить воздушные замки, сочиненные самыми талантливыми фантазерами. Над вымыслом можно обливаться настоящими слезами, — но подлинные трагедии иссушают душу. От них невозможно укрыться в кино или в театре.

Меня с отрочества не покидает это ощущение двойственности бытия, — люди способны радоваться перед лицом смерти. И чем ближе небытие, тем острее переживаешь великую ценность жизни. Мы приходим в мир, понимая конечность нашего земного пути, — и это тем не менее не лишает нас способности переживать великие мгновения счастья! И что бы ни писал по этому поводу наш гениальный поэт, мы не удовольствуемся только «покоем и волей»!

Люди хотят быть счастливыми, хотят ощутить полноту радости бытия! Мы посмеиваемся над прекраснодушной фразой Короленко о том, что «человек рожден для счастья, как птица для полета». Мы просто забыли, что эти удивительные слова в его очерке «Парадокс» принадлежат безрукому от рождения человеку, который написал их пальцами ноги. И они приобретают великий трагический смысл. А как известно, трагедия — жанр оптимистический!

Все мы так или иначе погружены в реальную повестку дня, которая включает важнейший вопрос о будущем страны, ее суверенности и независимости. Ее субъектности — в данном случае уместно использовать этот философский термин. И мы не можем не переживать за все происходящее — и на новых территориях России, и на недавнем пограничье. Современная реальность рождает огромное количество неведомых прежде вызовов, которые требуют интеллектуальной изощренности для принятия трезвых решений. Человеческих и финансовых ресурсов. Концентрации всех имеющихся сил и средств. И все чаще слышу, как на разный лад повторяют строку Маяковского: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо!» Но перо не может быть только оружием, разящим врага. Оно не только про смерть — оно и про жизнь!

Понимаю, что сегодняшнее наше бытие — двойственно. И часто вспоминаю рассказы артистов, выступавших во фронтовых бригадах, прежде всего В.М. Зельдина и Н.А. Сазоновой, о том, что они считали необычайно важным предстать на передовой во всем концертном блеске, одетыми так, будто они сейчас выйдут на сцену Колонного зала или на родные подмостки ЦТСА в самое что ни на есть мирное время. Посмотрите на фотографии выступлений Шульженко перед бойцами, — она пела в неизменно элегантном концертном платье! И на фронте люди хотели почувствовать — пусть на мгновение! — ту радость мирной жизни, которую приносило им искусство.

Московский сезон завершается соцветьем весьма примечательных премьер, которые уже получили лестные отзывы. «Мандат» Эрдмана в по-

становке С. Женовача в Студии театрального искусства, «Зойкина квартира» Булгакова, которую Е. Писарев поставил в Театре имени Пушкина, «Вишневый сад» Чехова режиссера И. Поповски в Мастерской Петра Фоменко, «Мария Стюарт» Шиллера в ТЮЗе в постановке П. Шерешевского... Вскоре в МХТ имени Чехова Анатолий Васильев представит свои новые театральные сочинения. А в Большом театре пройдут премьерные спектакли «Луизы Миллер» Верди... Мои коллеги, которые их поставили, не хуже других ощущают нерв сегодняшней реальности. Они живут в современном мире, который задает свою повестку дня. И эта повестка дня так или иначе находит отражение в их творчестве. Но они понимают, что у искусства своя миссия в человеческом сообществе. Оно всегда противостояит небытию.

Май 2023

Точка, точка, запятая...

Решение Государственного Эрмитажа передать в пользование на 49 лет Русской православной церкви мемориальную гробницу — раку св. Александра Невского, скрепленное договором, подписанным М.Б. Пиотровским и Митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Варсонофием, а затем утвержденным Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и министром культуры Ольгой Любимовой, открыло новую страницу дискуссий о реституции.

Критики этого решения видят в нем очередное поражение светской культуры перед лицом притязаний РПЦ. Их не удовлетворяют ни жесткие требования к хранению и использованию этого памятника русской культуры, которые зафиксированы в договоре между Эрмитажем и церковью, ни объяснения М.Б. Пиотровского, который считает, что «в сегодняшней геополитической ситуации сакральное, символическое значение раки и гробницы Александра Невского как святого защитника русского воинства и русской дипломатии гораздо важнее, чем их художественное значение».

Их не смущает и то обстоятельство, что сами мощи св. Александра Невского были переданы РПЦ еще в 1989 году, и вполне логично поместить их в гробницу-раку, созданную по повелению Елизаветы Петровны немецкими мастерами. Хранить мощи в музее куда менее разумно, чем соединить раку и мощи в храме. Поэтому не стал бы рассматривать решение руководства Эрмитажа как поражение в диалоге с РПЦ. Предпринята попытка найти компромисс, который всегда примиряет стороны диалога. Такой же, какой был найден в конце прошлого столетия по отношению к Владимирской иконе Божией Матери. С 1930 по 1999 год она находилась в Третьяковской галерее, а затем была перемещена в Храм Святителя Николая в Толмачах, который был восстановлен на музейной территории, где

были созданы все условия для хранения одной из главных святынь Российского государства и Русской православной церкви. В такого рода дискуссиях важно избегать бессмысленной конфронтации, хотя, естественно, подходы музейных работников и церковных деятелей не могут совпадать. Охрана памятников культуры, сохранение их для будущих поколений не может предполагать их повседневного использования в богослужениях. А в отдельных случаях, когда речь идет о таких шедеврах, как «Троица» Андрея Рублева, любое перемещение из музейного пространства — даже во имя самых высоких целей — может привести к непоправимым последствиям, которых необходимо избежать. Именно поэтому такую острую общественную реакцию вызвала распространившаяся новость о том, что принято решение о передаче «Троицы» из Третьяковской галереи РПЦ. Но это оказалось непросто. Передача особо ценных объектов культуры из музейного фонда может осуществляться только на основании Федерального закона. При этом различия в понимании художественной и сакральной ценности того или иного культурно-религиозного памятника не отменяют возможности достижения некоей светско-церковной «симфонии» — при осознании того, что сохранность шедевра не должна пострадать при его использовании в богослужебных целях.

Советские, а затем и российские музейные работники на протяжении всего XX века спасали и сохраняли церковную утварь и памятники церковной культуры от варварского уничтожения, нередко рискуя собой. Поэтому, когда на рубеже 1980 — 90-х годов начался процесс возвращения сначала прихожанам, а затем самой РПЦ церковного имущества — от храмов, где нередко находились музеи, до объектов религиозно-культурного значения — музейное сообщество восприняло это весьма напряженно. Особенно когда по тем или иным причинам власти не могли полноценно компенсировать учреждениям культуры пространства, которые они теряли при передаче храмов РПЦ. Но процесс религиозного возрождения в России, получивший важнейший импульс после ряда указов президента Б.Н. Ельцина и при самоотверженной деятельности святейшего патриарха Алексия Второго, требовал от правительства России поиска разумных и понятных обществу компромиссов, которые не нарушали бы ни интересов культуры, ни интересов церкви. Это была весьма нелегкая задача. Такой же, собственно, она остается и поныне.

Понятно, кесарю кесарево, а Богу Богово, но жизнь и судьба нередко усложняют решение этой задачи: в русской истории, где интересы государства и церкви нередко сплетались воедино, подобное разграничение дается нелегко. Неслучайно, разъясняя свою позицию по поводу передачи гробницы св. Александра Невского в пользование РПЦ, М. Пиотровский не без оснований утверждает, что мы демонстрируем миру образец «музейной дипломатии». Хотя бы в том, что условием передачи было создание всех необходимых условий для хранения этого барочного шедевра в Алек-